

ЛЕРИ
ОНИГМИ НАШИХ ДНЕЙ

ЛЕРИ

ОНИГМИ НАШИХ ДНЕЙ

Л Е Р И

ОНЪГИНЪ НАШИХЪ ДНЕЙ

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

РИСУНКИ ВЛ. БЪЛКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЫГА ДЪЯКОВА и Ко.
ВЪ БЕРЛИНЪ

Л Е Р И

О Н Е Т М Н Н А И И Х
Д Н Е И

LIBERTY PUBLISHING HOUSE
NEW YORK • 1988

LERI: ONEGIN NASHIKH DNEI

PUBLISHER: ILYA I.LEVKOV

Liberty Publishing House, Inc.

Fifth Ave, Suite 511

New York, NY 10017-6220

Copyright © for the Russian edition by

Liberty Publishing House, Inc. 1988

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Cover design by VAGRICH BAKHCHANYAN

Printed in the United States of America

R.R.Donnelley & Sons Co.

Library of Congress Cataloging in Publication Data 88-080773

ISBN 0-914481-41-X

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

„Когда злой ВЦИК, внѣ всякихъ правилъ
Пошелъ на жителей въ походъ
И чистить ямы ихъ заставилъ,
Какъ злонамѣренный народъ —
Блаженъ, кто дней не тратилъ даромъ
И къ коммунистамъ-комиссарамъ,
Не утаивъ культурныхъ силъ,
На службу сразу поступилъ,
Кто въ ней сумѣлъ, нашедши норму,
Смыслъ историческій понять,
Одной ногою, такъ сказать,
Ставъ на совѣтскую платформу,
Кто приобрѣлъ лойальный ликъ,
Хотя и не былъ большевикъ“ — . . .

2.

Такъ думалъ молодой Евгеній,
Герой неопытныхъ сердецъ
И двухъ совѣтскихъ учрежденій
Солидный служащій и спецъ.

Его примѣръ — другимъ наука,
Но — Боже мой, — какая мука
Ходить въ нелѣпый совнархозъ,
Писать усердно и всерьезъ
Преступно-глупыя бумажки,
Тоскливо дни свои влачить,
Съ надеждой къ картѣ подходить
И, подавивъ въ груди стонъ тяжкій,
Твердить совдепу про себя:
„Когда-же чортъ возьметъ тебя!“

3.

Учтя уроки поголовной
Переоцѣнки лицъ и силъ,
Своей родней и родословной
Онѣгинъ хвастать не любилъ.
А, чтобъ и мнѣ въ извѣстной мѣрѣ
Не повредить его карьерѣ —
Съ его семьею въ этотъ часъ
Позвольте не знакомить васъ,
Мой любознательный читатель,
Но на вопросъ, каковъ собой
Модернизированный герой —
Онѣгинъ, добрый мой пріятель —
Отвѣтить ясно вамъ готовъ
Въ стихахъ послѣдующихъ строфъ.

4.

Упорныхъ стойкихъ убѣжденій
Онѣгинъ съ дѣтства не имѣлъ
И безъ особыхъ угрызеній
Добился чина „управдѣль“.

Не зналъ онъ лозунговъ любимыхъ
И при безчисленныхъ режимахъ
Ихъ, какъ бѣлье, перемѣнялъ.
При всѣхъ правительствахъ стоялъ
Онъ близко къ сферамъ, въ авангардѣ
Ловцовъ доходныхъ теплыхъ мѣстъ,
Гдѣ человѣкъ и пьетъ, и ѣстъ...
Служилъ при гетманѣ онъ въ вартѣ
И какъ-то самъ Эйхгорнъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ...

5.

. . . Мы всѣ бѣжали понемногу
Куда-нибудь и какъ-нибудь,
И на тернистую дорогу,
На эмигрантскій пестрый путь,
Источникъ скорби непрерывной,
Порою взглядъ ретроспективный,
Когда гнететъ чужая ночь,
Вы бросить — знаю я — не прочь..
Ахъ, побывавъ у жизни въ лапахъ,
Кто, отдохнувъ, подобно вамъ,
Не вспоминаетъ по ночамъ
О горькихъ бѣженскихъ этапахъ
Съ момента бѣгства изъ Москвы,
Или — какъ я — съ береговъ Невы!

6.

Рѣзвился Кіевъ . . . „Моды-робы“,
Сто тысячъ пышныхъ кабаковъ,
Изъ „Протофиса“ хлѣборобы
Сѣкли въ деревнѣ мужиковъ . . .
При каждомъ былъ отрядъ нѣмецкій,
И мужиковъ за грѣхъ совѣтскій
Карали, ревностью горя,
Съ апрѣля вплоть до сентября . . .
Противъ расправы той кулацкой
Никто тогда не возражалъ,
Зане, по слухамъ, одобрялъ
Систему ту самъ Скоропадскій
И всѣ считали, что мужикъ
Къ побоямъ издавна привыкъ . . .

7.

Но пробилъ часъ, и эти были
Исчезли волею судебъ —
Внезапно нѣмцы измѣнили,
Открывъ свой собственный совдепъ.
Опорой гетманскаго трона
Осталось два — три эскадрона
И вновь пришелъ печальный часъ —
Не стало въ Кіевѣ колбасъ,
Галушекъ, сахару и сала —
Всего, чѣмъ бѣдныхъ бѣглецовъ
Изъ русскихъ красныхъ городовъ
Въ тѣ дни Украина прельщала
И что пытался совнаркомъ
Отнять воинственнымъ мечомъ.

8.

За авантюрой авантюра,
Перевороты, coups d'état, ...
И вотъ — уже сидить Петлюра
И самотійность привита.
Смѣнились гривнами керенки,
Воскресли братья Мазуренки...
Онѣгинъ тутъ какъ тутъ—кипитъ,
И гдѣ-то въ „справахъ“ состоитъ...

Спасая край свой отъ разрухи,
Онъ радъ пожертвовать собой,
И, принявъ съ вивѣсками бой,
Добился вмигъ, что „капелюхі“,
„Голярні“, „цяцькі“ и „брилі“
Названья русскія смели...

9.

Затѣмъ пришелъ февраль суровый...
 Прогнавъ Петлюру со двора,
 Большевики съ оравой новой
 Явились въ Кіевъ „на ура“.
 При этой власти, натурально,
 Ограбленъ городъ былъ повально
 (Не мало въ немъ добра нашлось).

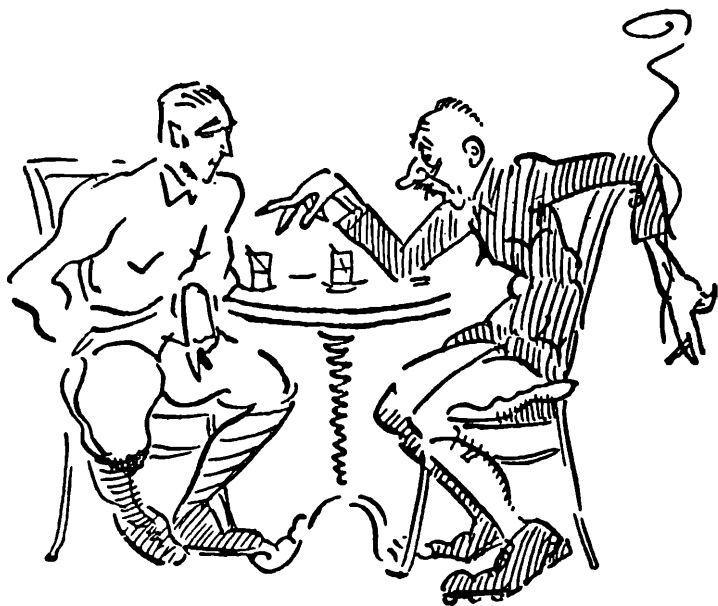
Приѣхалъ Лацисъ. Началось
Сооруженіе коммуны,
И понеслись со всѣхъ сторонъ
Зубовный скрежетъ, плачь и стонъ
Несчастныхъ пасынковъ фортуны.
И отъ знакомыхъ этихъ дѣлъ,
Кто могъ, на югъ перелетѣлъ.

10.

Зима... Одесса, торжествуя,
Къ себѣ гостей французскихъ ждетъ,
И для російскаго буржуа
Она — единственный оплотъ...
Отъ всякихъ ужасовъ кровавыхъ
Онъ въ ней, при танкахъ и зуавахъ,
Душой и тѣломъ отдыхалъ...
Забывъ че-ка и трибуналъ,
Дѣльцы, актеры, спекулянты
Творили всякія дѣла,
И жизнь веселая текла
Подъ теплымъ крылышкомъ Антанты,
И знали всѣ, что сей пріютъ
Большевикамъ не отдадутъ.!

11.

Семь дней промучившись въ вагонѣ,
Лишь на восьмой къ утру попалъ
Евгеній мой въ кафе Фанкони,
Какъ Чацкій съ корабля на балъ...

Забывши гетмана съ Петлюрой,
Онъ волю далъ своей натурѣ
И, посидѣвъ часъ у стола,
Узналъ всѣ мѣстныя дѣла...
Узналъ про новые десанты,
Про то, гдѣ, кто и съ кѣмъ живетъ,
Кто изъ чиновниковъ беретъ,
Какіе планы у Антанты,
Куда стремится Миллюковъ
И надо-ль ждать большевиковъ.

12.

И не прошло затѣмъ недѣли,
Какъ онъ въ Одессѣ сталъ своимъ —
И даже въ Лондонскомъ отелѣ
Уже считаться стали съ нимъ...
Носясь весь день по комитетамъ,
Онъ иностранцамъ и кадетамъ
Рѣчей не мало говорилъ,
И не жалѣя юныхъ силъ
Для фантастической идеи
Горѣлъ, метался, трепеталъ...
А въ промежуткахъ покупалъ
Фунты и франки, лиры, леи,
И пилъ искристое вино
Не разъ у консула Энно.

13.

Бывало, онъ еще въ постели —

Ему газеты подають....

Онъ узнавалъ — и не безъ цѣли —

Про фронтъ, войну, театры, судъ,

Про жизнь въ Совдепіи Московской,

Что пишетъ „всѣмъ—всѣмъ—всѣмъ“

Раковскій,

Про биржу, миръ et cetera —

Зѣвалъ и ѣхалъ со двора...

Дѣла обдѣливая чисто,

Онъ только ночью отдыхалъ —

Спѣшилъ на раутъ, иль на балъ,

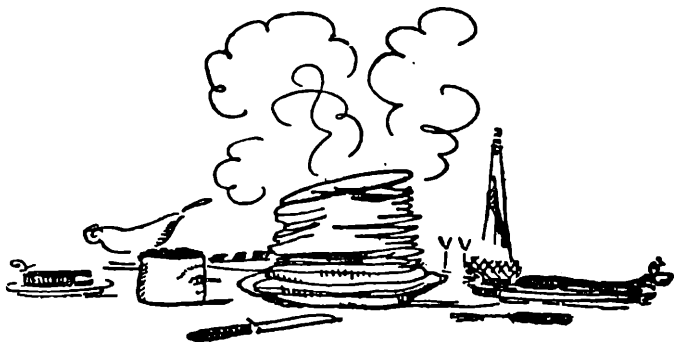
Но чаще, впрочемъ, въ „Домъ артиста“,

Гдѣ предавался до утра

Ожесточенной баккара...

14.

Гдѣ сытыхъ дней былая радость,
Гдѣ прежній масляничный стиль?
Блины, блины, гдѣ ваша сладость,
Гдѣ ваша царственная былъ?!
Пускай блины и предразсудокъ,
Но буржуазный мой желудокъ
(Давно политики онъ врагъ!)

Забыть не можетъ ихъ никакъ,
Не поддается пессимизму —
Блиновъ съ икрой и семгой ждетъ,
Хоть приучаю пятый годъ
Его уже къ социализму
И говорю, что намъ должны
Давать по карточкамъ блины...

15.

Кружились въ дикой свистопляскѣ
Дѣльцы, кокотки, игроки...
И были всѣ они, какъ въ сказкѣ,
Отъ мрачной правды далеки...
Всѣ понемножку продавали
Страну свою и грозной дали,
Что чадъ угарный прикрывалъ,
Еще никто не замѣчалъ.
Какъ будто вдругъ сплошныя бѣльма
Заволокли туманомъ глазъ —
Всѣ слѣпо вѣрили въ приказъ
Успокоительный Ансельма,
И городъ весело сіялъ,
Справляя шумный карнавалъ...

16.

Но время жуткое настало,
(Ахъ, многимъ памятно оно!) —
Въ Одессѣ - мамѣ вдругъ не стало
Ни Фрейденберга, ни Энно...
Прощаясь съ городомъ навѣки,
Зауавы, танки, пушки, греки,
Потоки ротъ, полковъ, когортъ,
Покинувъ фронтъ, бѣжали въ портъ,
Гдѣ три дредноута Антанты
Хранили очень гордый видъ...
Помчался въ портъ и одесситъ,
Жену, валюту, брилліанты
Въ Константинопольскій проливъ
На всякій случай захвативъ.

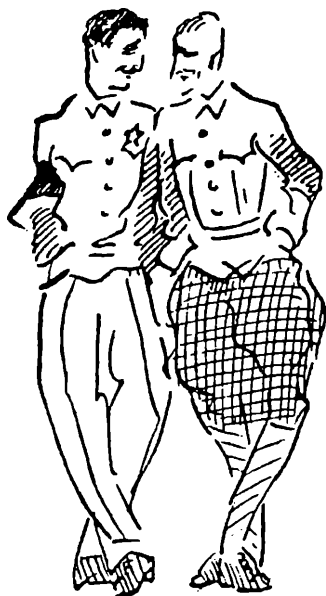

17.

Кто виновать — Вильсонъ, Европа-ль —
Не зналъ никто, и пароходъ
Увезъ пока въ Константинополь
Весь перепуганный народъ...
Былъ гнѣвъ Онѣгина неистовъ,
Зане визита коммунистовъ
Въ Одессу онъ не допускалъ.
„Какой позоръ!... Какой скандалъ!“
Онъ говорилъ, бранясь безбожно
И, принявъ формулу тогда —
„Бѣжать на время — жаль труда,
Бѣжать-же вѣчно — невозможно!“, —
Не надрывая средствъ и силъ,
Остаться въ городѣ рѣшилъ...

18.

Евгеній дней не тратилъ даромъ —
Одинъ лишь мѣсяцъ пролетѣлъ,
И онъ ужъ въ дружбѣ съ комиссаромъ
И самъ — совѣтскій управдѣль...

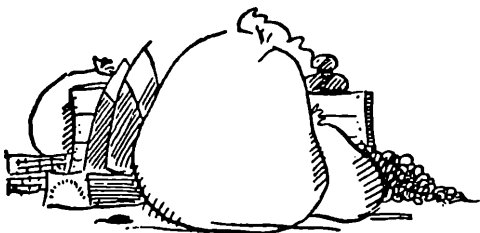
Хотя себя въ анкетѣ чистымъ
И не призналъ онъ коммунистомъ,
Но, вышло такъ само собой,
Что сталъ онъ правой ихъ рукой...
Его партійность строго какъ-то
Подвергъ разбору „коллективъ“,
Но все детально обсудивъ,
Въ ней не нашелъ преступныхъ фактовъ
И получить Онѣгинъ радъ
На честность былъ отъ нихъ мандатъ.

19.

Въ своемъ служебномъ кабинетѣ
Онъ былъ и строгъ, и справедливъ —
Предъ нимъ робѣлъ въ минуты эти
Порою даже „коллективъ“...
Проникъ онъ въ тайны всѣхъ секретовъ
Коммунистическихъ декретовъ
Своимъ практическимъ умомъ, —
Былъ добръ съ рабочимъ, съ мужикомъ
Изъ сель голодныхъ — непривѣтливъ,
Рѣшивъ, что каждый середнякъ
На дѣлѣ то-же, что кулакъ,
И стоитъ пули онъ, иль петли,
Хоть Ленинъ самъ велѣлъ пока
Не раздражать середняка...

20.

„Главмусоръ“, гдѣ служилъ Евгеній,
Былъ препротивный уголокъ —
Виталъ тамъ шлихтеровскій геній,
Но выдавали тамъ паекъ.
Тамъ получалъ Онѣгинъ сало,
Табакъ, конину и — бывало —
Равно для женщинъ и мужчинъ —
Мануфактуры пять аршинъ.
Подспорьемъ былъ къ дороговизнѣ
Еще одинъ доходный путь —
Умѣлъ Евгеній спекульнуть,
Тѣмъ дополняя средства къ жизни,
И у него была рука
На этотъ случай въ губ-че-ка.

21.

Не чуждъ возвышеннаго чувства,
Онъ былъ завзятый театраль,
Хоть большевистское искусство
Не такъ, чтобъ очень одобрялъ.
Онъ глухъ былъ къ „драмѣ пролетар-
ской“,
И дѣлъ, что мудрый Луначарскій
Творилъ, плодя и чушь, и дичь,
Въ душѣ никакъ не могъ постичь:
„Взглянуть хоть этакъ-ли, хоть такъ-ли,
Не въ Марксѣ сцены идеалъ“!
Онъ, службы ради, посѣщалъ
Красноармейскіе спектакли,
Бывалъ на митингахъ и самъ
Порой ругалъ буржуевъ тамъ.

22.

Онъ былъ рѣчистъ, какъ самъ Керенскій,
Громилъ враговъ и букву ять,
На что ему пріятель Ленскій
Всегда пытался возражать.

Межъ ними все рождало споры: —
Версальскій съ Брестскимъ договоры,
Когда въ рѣчахъ поставятъ въ рядъ,
Другъ другу вмигъ наговорятъ
Вещей немало непріятныхъ... —
Душою Ленскій былъ поэтъ,
По убѣжденіямъ — кадетъ,
И жилъ въ подпольѣ онъ, пснятно, —
Скрывался гдѣ-то, голодалъ,
И часто вещи продавалъ.

23.

Люблю я рынокъ украинскій,
Хотя уже который годъ —
Въ Одессѣ, въ Кіевѣ и въ Минскѣ
Его ландшафтъ совсѣмъ не тотъ!
Уже въ лучахъ красавца Феба
Тамъ не видать монблановъ хлѣба,
Ларьки купцовъ пусты, голы,
Лишь продаетъ изъ подъ полы
Крупну мѣшечникъ плутоватый...
Тамъ Ленскій бралъ порой муку,
Въ обмѣнъ давая мужику
Не „пятакѣ“ и не злато,
А брюки, кожу для сапогъ,
Пиджакъ, рубаху — все, что могъ.

24.

Ни эксцентричнымъ, ни скандальнымъ
Не слылъ тотъ способъ, господа, —
Такимъ обмѣномъ натуральнымъ
Весь городъ былъ объять тогда.
Чтобъ быть хоть разъ въ недѣлю
сытымъ,

Всѣ увлекались этимъ бытомъ —
Поэты, дамы, доктора,
Купцы, актеры, кучера,
Кухарки, швейки и графини...
Бѣднякъ писецъ и бывший снобъ
На хлѣбъ мѣняли гардеробъ,
Иль продавали квасъ въ графинѣ,
Чтобы добыть себѣ обѣдъ
Изъ двухъ картофельныхъ котлетъ.

25.

Тамъ часто Ларины бывали —
Мама и двое дочерей,
И тоже что-то продавали
Изъ малоношенныхъ вещей.
Ихъ старый домикъ на Дворянской
Сверхъ всякихъ нормъ, по хулигански,
Былъ исполкомомъ уплотненъ,
И вплоть до крыши населенъ
Ватагой дикою и пьяной...

Старуха Ларина спаслась
Тѣмъ, что скорѣй перебралась
Въ испугѣ, съ Ольгой и Татьяной,
Въ дышавшій сыростью подвалъ,
Что въ это время пустовалъ.

26.

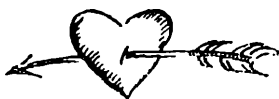
И жизнь въ обители той женской
Текла, унынія полна,
Хоть и будилъ жизнь эту Ленскій
Отъ летаргическаго сна.
Сюжетъ рѣчей его любимый
Былъ объ Единой-Недѣлимой,
Которой онъ съ восторгомъ ждалъ
И въ честь которой мадригалъ
Порой слагалъ декоративный,
Иль посвящалъ ей свой сонетъ
Изъ сердца горестныхъ замѣтъ,
И въ комнаткѣ конспиративной,
Не опасаясь никого,
Дѣвицы слушали его.

27.

Служила Ольга въ наркомпросѣ —
Тятянѣ чуждѣ былѣ компромиссъ,
Хоть въ продовольственномъ вопросѣ
Онѣ дней жуткихъ дождались.
Семья нерѣдко голодала,
И въ полутьмѣ сырой подвала,
Когда недремлющій брегетъ
Давно уже звонилъ обѣдъ,
Онѣ за чай пустой садились
И пѣли жалобно втроемъ
Дѣвицы съ Ленскимъ за столомъ:
„Куда, куда вы удалились
Весны моей златые дни!“
И грызли бублики одни.

28.

Была умна моя Татьяна,
Но надъ сердечкомъ не вольна —

Въ герои робкаго романа
Взяла Онѣгина она.
Его привелъ къ нимъ какъ-то Ленскій,
И съ видомъ бабы деревенской
Его напыщеннымъ рѣчамъ
Она внимала по ночамъ,
Укутавъ ножки въ складки пледа...
Ее, конечно, не прельщаль
Его служебный идеаль
И политическое credo,
Но, какъ контрастъ, онъ былъ ей миль,
Хотя любви и не сулил...

29.

„Быть можно честнымъ человѣкомъ
И къ коммунистамъ поступить,
Затѣмъ, чтобъ, грезя свѣтлымъ вѣкомъ,
Имъ вить погибельную нить“! —
Такъ Таня юная хотѣла
Метаморфозы управдѣла,
Какъ нѣжно любящая мать,
И объяснить, и оправдать...
„Нѣтъ, не виновенъ мой Евгенийъ,
А просто фразой увлеченъ,
Въ душѣ-же чуждъ — я вѣрю — онъ
Коммунистическихъ воззрѣній,
Хоть пятигранная звѣзда
На немъ красуется всегда“...

30.

Но онъ Татьянѣ не былъ другомъ
И такъ ей часто говорилъ:

„Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ
Міръ буржуазно оградилъ,
Программѣ слѣdua кадетской,
И сталъ не власти-бы совѣтской,
А торжества свободы ждать,
Въ хаосѣ вспомнивши опять

И о трудѣ, и о законѣ, --
То жизнь была-бъ скучна, блѣдна
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ"! —
Но этой проповѣди зла
Понять Татьяна не могла.

31.

Въ тѣ дни, дни голода и смерти,
Белтать привычнымъ языкомъ
На пышномъ митингѣ-концертѣ
Любилъ нерѣдко исполкомъ. . .
Забивъ зарядъ часа такъ на три,
Въ роскошномъ оперномъ театрѣ,
Взамѣнъ „Валькирій“ и „Аидъ“,
Ораторъ красный говоритъ —
О революціи на Вегѣ,
О саботажѣ, о борьбѣ. . .
Карьеру дѣлая себѣ,
Тамъ и „товарищъ Ев. Онѣгинъ“,
Какъ новоявленный кристаллъ,
Разъ предъ начальствомъ заблисталъ.

32.

Театръ клоочетъ... Свитой флотской
Декоративно окружень,
Онѣгинъ входитъ, словно Троцкій,
Моментъ — и вотъ на сценѣ онъ.
Несутся въ рѣчи гастролера
Коммунистическаго вздора
Потоки, рѣки и моря...
О раѣ новомъ говоря,
Врагамъ гражданскою войною,

Стуча по кафедрѣ, грозить,
И, принявъ очень строгій видъ,
Онъ брызжетъ бѣшеной слюною
И хлѣба алчущій народъ
На „день возстанія“ зоветъ...

33.

Татьяна слушала, ладони
Сжимая гнѣвно въ кулаки,
(Она сидѣла на балконѣ,
Вокругъ нея большевики),
На сердцѣ было грустно, больно,
Была Татьяна недовольна
Не только „классовой борьбой“,
Но всѣмъ на свѣтѣ и собой...
Она шептала горько: „Такъ-то!..
Вотъ кѣмъ ты, Таня, увлеклась“!
И вдругъ, на міръ весь разсердясь,
Она сошла внизъ до антракта,
И съ возмущенною душой
Къ себѣ отправилась домой...

34.

И оборвалась нить романа,
Хоть, по привычкѣ, на стеклѣ
Еще влюбленная Татьяна
И выводила О и Е.

Порой тоска ей сердце гложетъ
И шепчетъ дѣвушка: „быть можетъ,

На дѣлѣ, онъ и не таковъ
И не слуга большевиковъ! “
Но каждый день, сердечко рая,
Матан, сестра, Трикэ-французъ
И поступившая въ „союзъ“
Татьяны старенькая няня, —
Всѣ говорили ей, что „онъ“
Сплошной совдепскій моветонъ...

35.

Доволенъ красною судьбою,
Забылъ о Танѣ управдѣль. . .
Весь окунувшись съ головою
Въ потокъ бурливый важныхъ дѣлъ,
Онъ съ дѣловитостью во взорѣ
Носился день весь на моторѣ
И реквизирировалъ добро —
Муку, одежду, серебро,
Не внемля жалобному вою,
Какъ настоящій комиссаръ. . .
А на семью слетѣлъ ударъ —
О немъ Татьяна эксъ-герою
Писала, въ горѣ и слезахъ,
Въ такихъ просительныхъ словахъ:

„Я вамъ пишу, и въ вашей волѣ
Семьѣ рыдающей помочь —
Нашъ Ленскій. . . другъ несчастной Оли,
Онъ арестованъ въ эту ночь. . .
Пришло за нимъ два-три бандита,
Все было мигомъ перерыто,
Разбито все и въ пухъ и въ прахъ
Какъ на погромахъ въ деревняхъ
„Нашли мы заговора нити! “ —

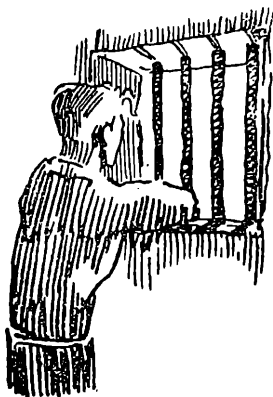
Они сказать успѣли намъ,
И вотъ съ мольбой, Онѣгинъ, къ Вамъ
Мы обращаемся — спасите,
Спасите Ленскаго, пока
Онъ не разстрѣлянъ въ губчека!“

37.

Блаженъ, кто рано отъ совдепа
Бѣжалъ, покинувъ отчій домъ,
Кто не изловленъ былъ свирѣпымъ
Коммунистическимъ судомъ.
Тамъ стѣны видывали виды! —
Тѣнь окровавленной Θемиды
Въ суровомъ сумракѣ ночей
Блуждала съ шайкой палачей,
Тамъ, наканунѣ приговора,
Творились страшныя дѣла
И о буржуйскія тѣла —
„Въ порядкѣ краснаго террора“,
Шутя, тушилъ хмельной матросъ
Огонь сигаръ и папиросъ.

38.

Въ рукахъ кровавой этой шайки
Кто за два года не бывалъ?
Кого въ подвалы чрезвычайки

Не волокли на „красный балъ“?!
Кто по ночамъ во тьмѣ безсонной
На койкѣ, кровью обогреной,
Не слышалъ шума и возни,

И понималъ, что то „они“ —
Друзья-товарищи Дыбенки —
Ведутъ кого-то на разстрѣлъ.
Шаги . . . проклятiя . . . Гремѣлъ
Охрипшій пьяный окрикъ: „къ стѣнкѣ“!
Бѣднягу шумно волокли
И вслѣдъ затѣмъ звучало: „пли“!..

39.

Судьба надъ Ленскимъ сплеховала
И за кадетскія дѣла,
Вдругъ измѣнивъ, безъ трибунала,
Его къ чекистамъ привела.
И, сидя въ домѣ Левашова,
Свой казематъ средневѣковый
Владиміръ Ленскій проклиналъ.
Но смерти тамъ не ожидалъ
Онъ для себя ни въ коемъ разѣ —
Онъ вѣрилъ въ друга своего,
Зане считалъ, что у того
Въ совѣтскихъ сферахъ всюду связи,
Онъ полагалъ: „черезъ два-три дня
Онѣгинъ выручитъ меня!“

40.

Сантиментальныхъ настроеній
И чувства нѣжнаго лишень,
Письмомъ Татьяна мой Евгенийъ
Былъ пораженъ и возмущень.
Онъ думалъ злобно: „это слишкомъ!
За помощь этакимъ мальчишкамъ
Не трудно вѣдь и самому
Попастъ въ чека или въ тюрьму
И погубить карьеру сдуру,
Къ тому же Ленскій и кадетъ,
И мнѣ, конечно, смысла нѣтъ
Соваться въ эту авантюру —
Пусть разстрѣляютъ — наплевать!..“
Порвалъ письмо и легъ въ кровать.

41.

Она пришла къ нему въ агентство
И онъ ей далъ такой отвѣтъ:
„Напрасны ваши совершенства, —
До вашихъ слезъ мнѣ дѣла нѣтъ.

Еще коль лѣвымъ-бы эсэромъ
Былъ Ленскій вашъ --- живымъ мане-
ромъ

Свободу могъ-бы приобрѣсть,
Но онъ кадетъ, — имѣю честь“ !
Татьяна слушала съ тоскою,
Что говорилъ ей мудрый спецъ
И горько думала: „подлецъ“ !
Рѣшивъ, съ поникшей головою,
Себя смиливъ не безъ труда,
Съ нимъ не встрѣчаться никогда.

42.

О тщетной помощи той женской,
О вопляхъ, плачѣ и мольбахъ
Не зналъ, конечно, бѣдный Ленскій,
Но грезъ уже предвидѣлъ крахъ . .
Разсѣять тяжкій гнетъ сомнѣній
Не приходилъ къ нему Евгений
И, нервный чувствуя ознобъ,
Онъ сознавалъ, что пулю въ лобъ
Ему грядущій день готовить,
Зане онъ ясно понималъ,
Что въ окровавленный подвалъ
Чека людей не даромъ ловить
И что поэтому — разстрѣль
Его единственный удѣлъ.

43.

И въ стѣнахъ сумрачной темницы
Онъ ждалъ назначеннаго дня.
„Блеснетъ завтра лучъ денницы“ —
(Такъ размышлялъ онъ), — и меня

За мой девизъ святой и чистый,
Поволокутъ на казнь чекисты,

И я — чуть встрѣтивъ бѣлый день,
Сойду въ таинственную сѣнь . . .
Но не умрутъ дѣла живыя —
Пройдутъ безумной смуты дни --
И вновь величія огни
Освобожденная Россія,
Пригрѣвъ измученный народъ,
На вѣки-вѣчные зажжетъ“ !

44.

Но пробилъ часъ — и какъ то въ спи-
скѣ

Онъ промелькнулъ очередномъ —
Кружокъ людей, поэту близкихъ,
Прочелъ въ „Извѣстіяхъ“ о томъ,

Что безъ суда и приговора,
Въ порядкѣ краснаго террора,
Владиміръ Ленскій, одесситъ,

Какъ „врагъ народа“ былъ убитъ
Въ послѣдній день красавца мая . .
Свой испустилъ Владиміръ духъ
Въ числѣ другихъ, ста трехъ иль двухъ,
Кто, какъ и онъ, за Русь страдая,
Къ позорнымъ днямъ родной земли
Никакъ привыкнуть не могли . . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

45.

Гонимы новыми полками,
(То шли Добрарміи полки),
Бѣжали дикими ордами
Изъ разныхъ мѣстъ большевики.
Уже была взята Полтава,
И добровольческая слава,
Въ лучахъ побѣды отразься,
Къ одесскимъ жителямъ неслась.
Уже ожившій обыватель,
Набравшись вдругъ надеждъ и силъ,
По картѣ радостно водилъ,
Слѣдя за тѣмъ, какъ „непріятель“,
Освобождая города,
Билъ коммунистовъ безъ труда...

46.

Мы очень ясно помнимъ съ вами
Совѣтскихъ дней угрюмый ходъ —
Грабежъ съ убійствомъ по программѣ,
И наркомпутъ, и наркомпродъ.

Лишь тотъ, кто жилъ при красныхъ
шайкахъ,

При исполкомахъ, чрезвычайкахъ,
Кто какъ „излишки“ — на базаръ
Носилъ штаны и самоваръ,
Кто былъ терзаемъ при коммунѣ
Какъ врагъ народа, какъ илотъ, —
Лишь только тотъ одинъ пойметъ,
Съ какой надеждой въ томъ іюнѣ
Весь городъ вѣрить былъ готовъ
Въ приходъ деникинскихъ полковъ.

47.

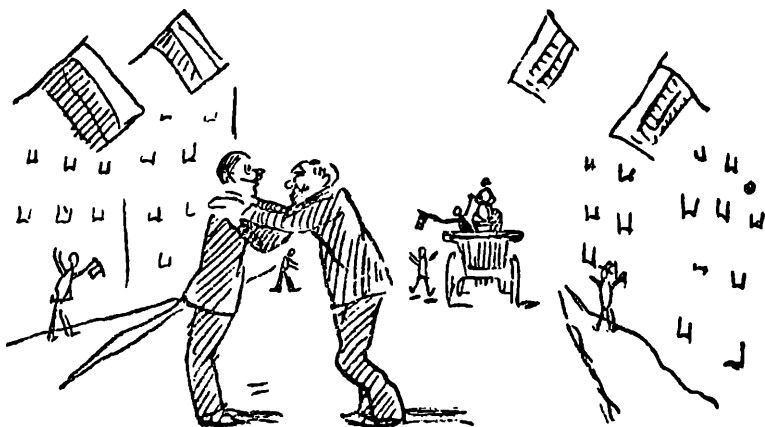
Зашевелились колонисты,
И дѣло въ общемъ было дрянъ,
Но не смущались коммунисты
И окровавленную длань
Сжимали съ каждымъ днемъ сильнѣе —
Зане всегда вѣдь мухи злѣе
Передъ естественнымъ концомъ,
И власть, хоть сжатая кольцомъ,
Все отрицать въ упорствѣ глупомъ
Не уставала, и въ толпу
Бросала каждый день стопу
Изобрѣтенныхъ мѣстнымъ „Бупомъ“
„Авторитетныхъ“ телеграммъ,
Что-дескать „врагъ не страшенъ намъ!“

Но время шло, и скрыть тревогу,
 А съ ней паническій испугъ
 Не удавалось, и въ дорогу
 Уже готовились вокругъ ...
 И въ совнархозѣ-ль, въ исполкомѣ-ль
 Былъ лозунгъ общій: „въ Кіевѣ, въ Го-
 мель,
 Въ Черниговѣ, къ черту на рога! —
 Лишь-бы подальше отъ врага!“
 Среди такихъ приготовленій,
 Всѣ „pro“ и „contra“ обсудивъ
 И наплевавъ на „коллективъ“,
 Исчезъ изъ города Евгеній.
 Какъ ни искали — ничего,
 Такъ и удрали безъ него.

49.

Кто зналъ тотъ мигъ, весны прелест-
нѣй,
Какъ бахнулъ съ моря „Карадогъ“,
И какъ при этой дивной пѣснѣ
Вдругъ ожилъ бѣдный городокъ?!...
Все жизнью вновь затрепетало,
И хотъ попряталось въ подвалы,
Но вѣсть неслась изъ-подъ земли:
„Они идутъ!... Они пришли!“

И изъ кровавой, мрачной дали
Явилась свѣтлая пора —
Кричали женщины ура
И избавителямъ бросали —
За воплощеніе мечты —
Подъ ноги свѣжіе цвѣты.

50.

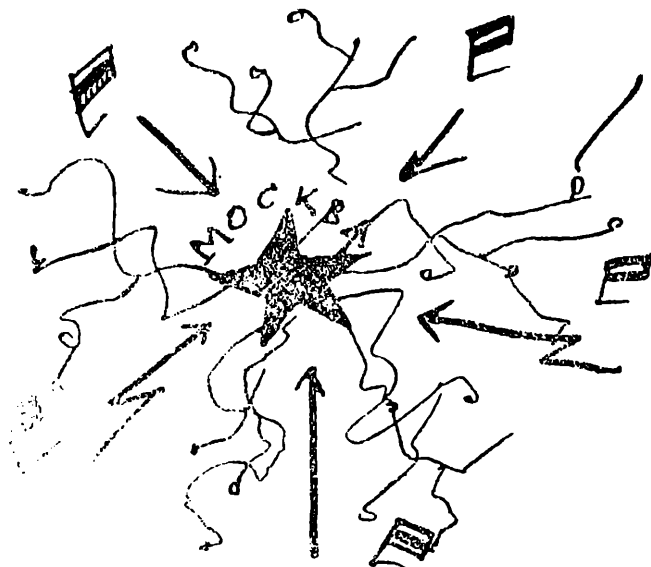
Воскресла жизнь въ красѣ волшебной.
О, мигъ прекрасный — воротись ! —
Опять сталъ полонъ рынокъ хлѣбный,
Вновь стали курицы нестись.
Воскресъ купецъ, за нимъ разносчикъ,
На биржу выѣхалъ извозчикъ,
Взамѣнъ разстрѣловъ и че-ка
Ждать люди стали молока,
Проснулся жизни шумъ пріятный,
Свѣтлѣе стали небеса,
Вновь появилась колбаса,
А тамъ и выпивка, понятно,
Какъ неизбѣжный атрибутъ
Того, что праздникомъ зовутъ...

51—53.

• • • • • • • • • • • • • • • • • •
• • • • • • • • • • • • • • • • • •

54.

... Въ тѣ дни всѣ русскія дороги
Тянулись прямо на Москву,
И въ захолустномъ Таганрогѣ
Сонъ совершался на яву.

Явивши подвигъ беззавѣтный,
Съ воскресшимъ знаменемъ трехцвѣт-
Шелъ добровольческій потокъ [нымъ
Съ огнемъ въ груди, но безъ сапогъ.
Предъ „диктатурой генеральской“
Склонились „эсы“ всѣхъ породъ,
И не одинъ изъ сихъ господъ
Отъ революціи февральской
Въ тѣ дни, когда гремѣлъ Орелъ,
Смирясь, въ сторонку отошелъ!...

55.

На картѣ вверхъ ползли булавки,
Тускнѣла красная звѣзда,
И вотъ уже блистають въ ставкѣ
Заморскихъ миссій поѣзда.
Завидѣвъ дней грядущихъ солнце,
Французы, бритты и японцы
Вновь устремились на востокъ
И облѣпили Таганрогъ...
А благодѣтель, сэръ англійскій,
Держался въ ставкѣ какъ въ кафе,
Зане остатки галифэ
Онъ выгружалъ въ Новороссійскѣ
И ждалъ за свой ненужный хламъ
Оплаты кровью по счетамъ.

56.

Погоны, шпоры, эполеты —
 Бальзамъ истерзанной душѣ —
 И перманентные банкеты

Въ честь иностранныхъ аташэ...
 А на банкетахъ тосты, рѣчи:
 Впередъ, впередъ! Жалѣть картечи
 Теперь уже нельзя никакъ.

Смѣлѣе въ бой, друзья, вѣдь врагъ
Всего страшнѣе — недобитый...
А мы, конечно, въ нужный часъ
Поддержимъ нашей силой васъ.
Такъ убѣждали русскихъ бритты,
И съ вѣрой ихъ рѣчамъ внималъ
Наивный русскій генералъ.

57.

Кипѣлъ Ростовъ... Попавши въ случай,
Онъ дней напрасно не терялъ
И вмѣстѣ съ жизнію кипучей
Стиль петербургскій перенялъ..
И закружилась въ роли новой —
Когда явились на Садовой
Весь Петербургъ и вся Москва —
Провинціала голова.
Ахъ, дни легенды той творимой!
И контръ-развѣдка, и Освагъ,
И „колокольчики“, и флагъ
Руси Единой Недѣлимой,
Министры, женщины... Таковъ
Былъ дней деникинскихъ Ростовъ.

58.

Въ Ростовѣ этомъ — по примѣру
Всѣхъ новоявленныхъ столицъ —
Съ успѣхомъ дѣлало карьеру
Немало разныхъ темныхъ лицъ.

Отъ денегъ пухли спекулянты
И привлекали брилліанты,
Сукно, серпы и кокаинъ,
Продажныхъ женщинъ и мужчинъ . . .
Воскресли старые порядки
И — на подъемъ всегда легки —
Ихъ стерегли большевики
И, въ результатъ крупной взятки —
Изъ ихъ задержанныхъ свѣтилъ
Кой-кто свободу получилъ . . .

Но что-же, гдѣ-же нашъ Евгеній?
Что приключилось дальше съ нимъ?
Судьбой отъ бурь и потрясеній
И при Деникинѣ хранимъ,
Онъ жилъ въ Одессѣ безъ геройства.
Имъ овладѣло безпокойство,
Охота въ перемѣнѣ мѣстъ —
Зане пугалъ его арестъ
За службу ревностную краснымъ.
И — перекрасившись опять —
Въ Одессѣ дольше проживать
Онъ счелъ безцѣльнымъ и опаснымъ, —
И спѣшно выѣхалъ въ Ростовъ,
Боясь доносовъ и враговъ.

60.

Нарядный френчъ, браслетъ и кольца,
Румянъ, какъ дама на балу,

Съ такой породой добровольца
Знакомы были мы въ тылу.
Сія счастливая порода
Въ глаза не видѣла похода
И — не врываясь на редутъ —

Предпочитала мирный трудъ
Въ стѣнахъ почтенной контръ-развѣдки,
Гдѣ офицерамъ молодымъ
Не угрожалъ военный дымъ
И гдѣ — какъ у шакаловъ въ клѣткѣ —
Стоялъ одинъ надрывный зовъ:
„Спасай Россію — бей жидовъ“.

61.

Въ компанію такихъ героевъ
Попалъ вчерашній управдѣль
И, прочно въ ней себя устроивъ,
И въ контръ-развѣдкѣ онъ успѣлъ.
Нашивъ трехцвѣтный треугольникъ,
Онъ — какъ примѣрный умный школь-
Все изучилъ и все постигъ. [никъ,
Его врагомъ сталъ большевикъ,
Онъ обѣщаль ихъ всѣхъ повѣсить
За мерзость ихъ преступныхъ дѣлъ,
Но — если кто того хотѣлъ —
Тотъ отъ него за тысячь десять
(Еще въ то время — капиталъ)
Легко свободу получалъ...

62.

Онъ посвѣжѣлъ... Въ немъ появился
 Минувшихъ дней блестящій шикъ —
 Морозной пылью серебился
 Его бобровый воротникъ.
 На пальцахъ пламенемъ горѣли
 Большіе перстни, а въ портфельѣ

Хранились важныя дѣла —
Его обязанность была
Вершить по ордеру аресты,
А ордера онъ самъ писалъ.
Онъ и доносы обожалъ.
И плачъ сестры, и скорбь невѣсты
(Коль скоро взятки не несли)
Его растрогать не могли...

63.

На захудаломъ полустанкѣ
Грузился бѣлый эшелонъ.
Подъ снѣгомъ мокли люди, танки,
Висѣла брань . . . Штабной вагонъ
Въ хвостѣ нетопленныхъ теплушекъ,
Снарядовъ, ружей, танковъ, пушекъ
Стоялъ угрюмъ и недвижимъ.
Въ осеннихъ сумеркахъ предъ нимъ,
Презрѣвши холодъ, грязь и темень,
Походкой нервною шагаль
Высокій стройный генераль.
Его фамилію — князь Греминъ —
Встрѣчать могли вы той порой
Въ отчетахъ славы боевой.

64.

Служивъ отлично, благородно,
Князь Греминъ честный былъ солдатъ,

Не добивался мѣстъ доходныхъ
И приобрѣлъ отличій рядъ.
Онъ былъ въ Галиціи замѣченъ,
И на Кубани изувѣченъ. . .
Разсказъ не длиненъ и не новъ —
Подкладку красную споровъ,

Въ рукахъ съ простымъ солдатскимъ
сакомъ
Безъ портупей и погонъ,
Бѣжалъ онъ бѣженцемъ на Донъ
Къ зашевелившимся казакамъ —
Затѣмъ корниловскій походъ,
Война, война который годъ...

65.

Въ послѣдній разъ онъ подѣ Одессой
 Былъ раненъ дважды — въ бокъ и
 въ грудь —
 Когда, подѣ огневой завѣсой,
 Съ полкомъ свершалъ свой крестный
 путь . . .

Благословлялъ онъ раны эти —
За нимъ въ одесскомъ лазаретѣ
Ходила юная сестра —
Какъ ангелъ кротости добра,
Звалась она сестра Татьяна,
Предъ этой дѣвой молодой
Боецъ съ сѣдою головой
Робѣлъ и млѣлъ, забывши раны
И — чуть набравшись новыхъ силъ —
Ей руку съ сердцемъ предложилъ.

Ужель та самая Татьяна
Смутила война покой,
Что, переживши боль романа,
Жила съ разбитою душой?
Она... Пошла Татьяна въ сестры,

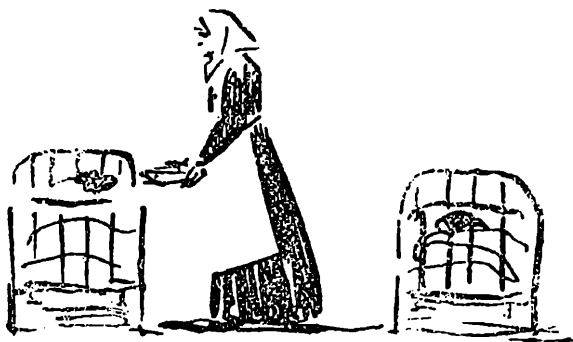
Едва пришелъ періодъ острый, ---
Къ тому-же въ эти дни она
Была уже совсѣмъ одна:

Мать доконалъ весною голодъ,
А Ольга, Ленскаго забывъ,
Пошла любовно на призывъ
Юнца съ кокардой серпъ и молотъ
И убъжала безъ вѣнца
Супругой этого юнца.

67.

Циничный стиль совѣтскихъ браковъ
Былъ чуждъ Татьянѣ, и она,
Сестру любимую оплававъ,
Горѣньемъ жертвеннымъ полна,
Избытокъ силъ своихъ богатыхъ
На помощь страждущему брату
Отдать рѣшила съ той поры,
И въ строгомъ обликѣ сестры
Одна на цѣломъ Божьемъ свѣтѣ
Свои разбитыя мечты
И цвѣтъ ненужной красоты
Похоронила въ лазаретѣ,
Отдавши ближнимъ всю себя
И подвигъ тяжкій возлюбя.

Она не сразу согласилась
Стать князя Гремина женой,
Зане давно ужъ примирилась
Съ удѣломъ жизни трудовой.
Она сроднилась съ лазаретомъ
И долго медлила съ отвѣтомъ
На запоздалой страсти пылъ,
Но Греминъ такъ ее молилъ,
Избравъ ее своей святыней,
Что, былъ хоть онъ уже сѣдымъ,

Она сказала „да“, и съ нимъ
Въ походъ суровый, ставъ княгиней,
Пошла, настала лишь пора,
Какъ милосердная сестра . . .

69.

Совдепъ въ Орлѣ, Махно — въ Бер-
дянскѣ,

Всѣхъ надо было покорять —

И мрачный стиль войны гражданской

Пришлось и Танѣ увидеть.

Она за мужемъ, шагъ за шагомъ,

Шла съ краснокрестнымъ бѣлымъ фла-
гомъ,

Видала холодъ, голодъ, кровь . . .

И христіанскую любовь

Несла въ сраженіяхъ опасныхъ

Несчастливымъ жертвамъ дѣлъ людскихъ

И не дѣлила въ сердцахъ ихъ

Она на бѣлыхъ и на красныхъ,

Но просто — страждущихъ людей

Лечила кротостью своей.

70-72.

• • • • • • • • • • • • • • • • • •
• • • • • • • • • • • • • • • • • •

73.

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,
Къ минувшимъ днямъ закрыта дверь.
Ахъ, такъ, какъ вѣрили когда-то.
Уже не вѣримъ мы теперь . . .
Не долго подвига святого
Въ дни обреченнаго Ростова
Цвѣла волшебная краса —
Въ двадцатомъ вѣкѣ чудеса
Бываютъ только на бумагѣ.
Тылъ погрузился вновь въ „дѣла“,
А фронтъ катился отъ Орла,
Но близорукіе Осваги
Кричали все еще ура,
Хоть врагъ стоялъ ужъ у двора.

74.

Спекулятивные хоромы —
Въ слезахъ омытое добро,
На фронтѣ голодъ и погромы,
И Май-Маевскій, и Шкуро.
Вновь дѣло близилось къ развязкѣ
И въ разудалой свистопляскѣ,
Виномъ и кровью залита,

Погибла бѣлая мечта.
Все провалилось какъ-то разомъ
И расползлось вездѣ по швамъ.
Повсюду царствовалъ Бэдламъ,
И самымъ дьявольскимъ приказомъ
Нельзя ужъ было задержать
На фронтѣ дрогнувшую рать.

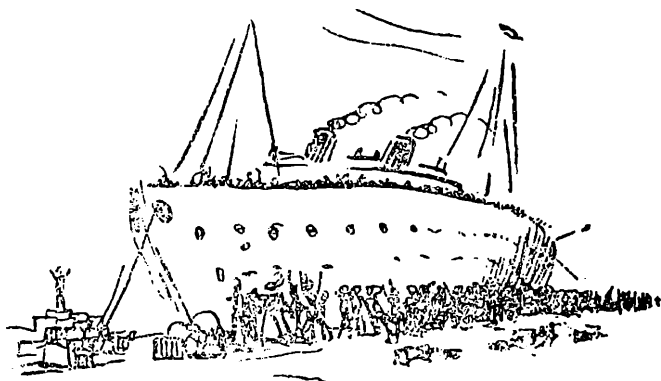
75.

А счастье было такъ возможно
Такъ близко было, но — увы! —
Въ итогѣ курсовъ, взятыхъ ложно,
Мы не увидѣли Москвы.
Ахъ, не вложить мнѣ въ эти строфы
Всего значенья катастрофы,
Что погасила въ эти дни
Во мглѣ послѣдніе огни
И преисполнила печали
Опустошенныя сердца . . .
Причины бѣлаго конца
Уже довольно описали, —
Я не коснусь ихъ лишній разъ,
Я продолжаю свой рассказъ . . .

Съ послѣднимъ вѣрнымъ эшелономъ,
Остаткомъ грозныхъ бѣлыхъ силъ,
Съ Татьяной и штабнымъ вагономъ
И Греминъ къ морю отходилъ.
Онъ темной ночи былъ мрачнѣе,
Зане крушеніемъ идеи
Ему внушалъ и боль и стыдъ
Удѣлъ попасть въ чужія страны,
Онъ бѣглецовъ не одобрялъ.
Крѣпился старый генералъ,
Къ тому же въ стойкости Татьяны
Поддержку ослабѣвшихъ силъ
Онъ неизмѣнно находилъ...

Эвакуація военной

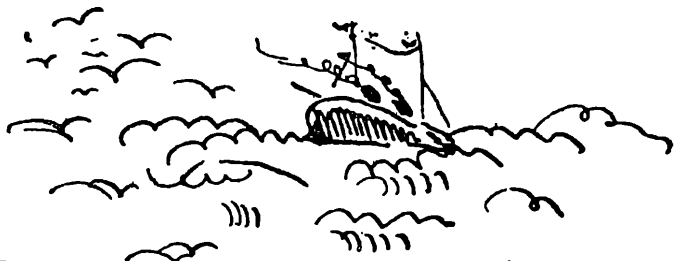
Не дологъ былъ привычный ходъ —
Прошла недѣля, и Буденный
Атиллою выросъ у воротъ.
Всѣ уносили спѣшно ноги,
И въ опустѣвшемъ Таганрогѣ,
Вселяя ужасъ въ каждый домъ,
Уже хозяйничалъ ревкомъ...

Затѣмъ хаосъ въ Новороссійскѣ,
Бой за каюту и вагонъ,
Сыпнякъ и смерть со всѣхъ сторонъ.
И — эпилогъ бѣды россійской —
Подъ чуждымъ флагомъ пароходъ
И даль туманнаго „впередъ“ . . .

78.

Дань отдавая скорбной модѣ,
Когда гремѣлъ девятый валъ,
На эмигрантскомъ пароходѣ
Кто въ эти дни не удиралъ ?
Кто, затаивъ потоки жалобъ,
Въ тоскѣ не мѣрилъ ночью палубъ

Чужихъ, безстрастныхъ кораблей,
Что мчали насъ въ просторъ морей
Отъ побѣдившей чрезвычайки . . .
Сердился штормами февраль,

И изъ Россіи въ мракъ и въ даль
Насъ провожали только чайки.
Крикливой стаею сѣдой
Кружась надъ бурною водой. . .

Укрывшись подъ британскимъ флагомъ
На пароходъ „Файфъ-о-клокъ“,
Плылъ съ контръ-развѣдкой и съ Осва-
гомъ

Бурливый бѣженскій потокъ.
Министры, дамы, инженеры,
Землевладѣльцы, офицеры,
Купцы, актрисы, доктора,
Казачи и профессора —
Короче, эксъ-Россіи бѣлой
Здѣсь былъ представленъ полный цвѣтъ
И — дополняя сей букетъ —
Въ толпѣ покорной и не смѣлой,
Всегда подвижный и живой,
Скрывался и Онѣгинъ мой.

80.

Сумѣлъ и въ морѣ очень скоро
Онъ все, что слѣдуетъ, смекнуть,
И отъ Россіи до Босфора
Его не тягостенъ былъ путь.
При всѣхъ раздачахъ онъ былъ пер-
вымъ

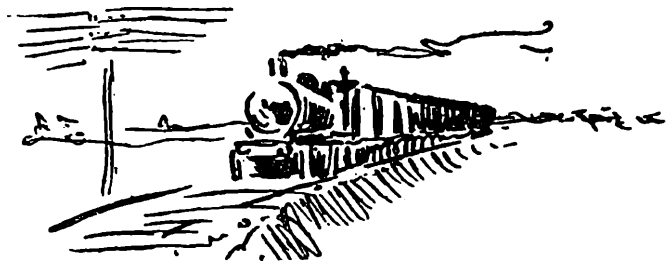
И даже гнусные консервы
Всегда добыть старался впрокъ.
Самъ капитанъ и старшій кокъ

Его любили, и — не смѣйтесь! —
Кокъ лишній разъ давалъ въ обѣдъ
Ему и порцію галетъ,
И ароматныя путейтесьъ,
Чтобъ эмигранту грустный путь
Посильно скрасить чѣмъ-нибудь ...

И вотъ Евгеній за границей.
Давно желанная пора!
Предъ нимъ шумливой вереницей
На ослѣпительной Пера
Проходятъ русскія картины —
Вещей случайныхъ магазины,
Караты, визы, „Уголки“
И офицерскіе лотки,
И исхудавшія фигуры
Бездомныхъ русскихъ бѣдняковъ,
И стиль московскихъ кабаковъ,
Которыхъ, какъ продуктъ культуры,
Изъ осовдепленной земли
Мы туркамъ много привезли . . .

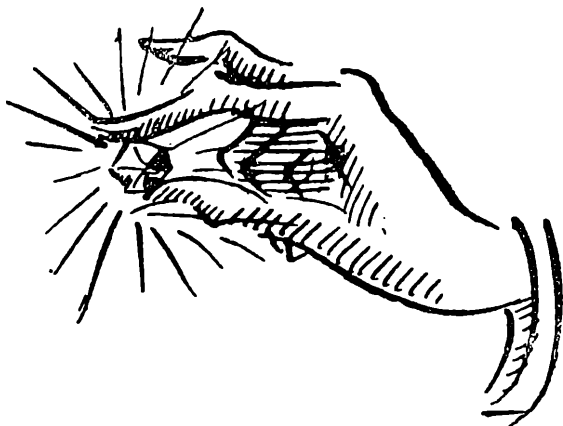
Недолго побылъ здѣсь Евгений.
На дѣло трезво онъ взглянулъ
И все — и бѣженскія тѣни,
И взбаламученный Стамбуль —
Ему у турокъ надоѣло.
„Нѣтъ, молвилъ онъ, совсѣмъ не дѣло
Возиться съ нищими весь вѣкъ“!
И, какъ разумный человѣкъ,
Наполнивъ визами карманы,
Послалъ „прости“ странѣ чудесъ,

Сѣлъ въ комфортабельный экспрессъ
И устремился на Балканы,
Гдѣ добродѣтельный Бѣлградъ
Въ тѣ дни былъ русскимъ очень радъ.

Онѣгинъ видѣлъ, какъ по братски
Ихъ ждали сербы — малъ и старъ,
Какъ деньги съ подписью „Бернадскій“
Мѣняли русскимъ на динаръ,
Въ честь дорогихъ гостей нежданныхъ
Онъ слышалъ „живіо“ въ кефанахъ
И самъ въ отвѣтъ кричалъ „ура“
Въ честь братьевъ сербовъ и Петра.
Онъ подружился съ этимъ милымъ
Народомъ смирныхъ храбрецовъ
И пожалѣлъ въ концѣ концовъ,
Что — поздно ставъ славянофиломъ—
Лишь въ эти дни, а не давно
Пить началъ сербское вино...

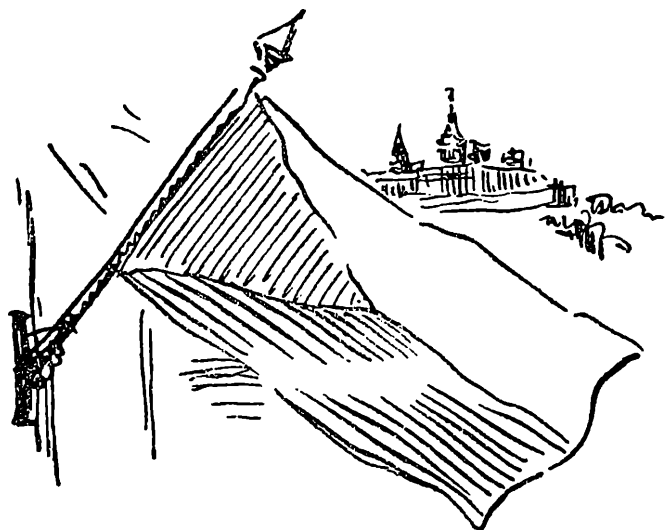
Но и въ ласкающемъ Бѣлградѣ
Не сталь Евгеній веселѣй.
Тоска, Тоска!.. Размѣна ради,
Онъ прожилъ здѣсь еще шесть дней
И страхъ остаться эмигрантомъ
(Съ такимъ умомъ, съ такимъ талан-
томъ!)
Въ странѣ славянъ --- его пугалъ.

При томъ же цѣнный капиталъ
(Въ большомъ количествѣ каратовъ)
Онъ везъ съ собой, и потому
Причины не было ему
Къ столицѣ сербскихъ демократовъ
Себя надолго прикрѣплять,
Въ уѣздной тинѣ прозябать...

Махнувъ рукою на размѣны
И молвивъ сербамъ „Лако-ночь“,
Онѣгинъ взялъ билетъ до Вѣны
И укатилъ отъ сербовъ прочь . . .
Предъ нимъ голодные австрійцы.
Угрюмый видъ. . . Самоубійцы
Въ глазахъ у каждого печать —
Ахъ, павшей кроны не поднять
И не блистать вновь бѣдной Вѣнѣ!
О вѣнскомъ шнитцелѣ забывъ,
Она смакуетъ корнедъ-бифъ.
„Какой кошмаръ“ ! . . вздыхалъ Евгеній
И, пожелавъ австрійцамъ силъ,
Къ чехославакамъ укатилъ. . .

„Народовъ путь не одинаковъ
И, если вѣнцы голодны,
То сытый видъ чехославаковъ
Есть тоже вѣдь итогъ войны
И европейскихъ потрясеній“...
Такъ философствовалъ Евгений,

Увидѣвъ новый чешскій флагъ . . .
Сѣвъ на границѣ въ рыхлы-влакъ
(Или по русски скорый поѣздъ),
Съ сосѣдомъ-чехомъ поболтать
Онъ захотѣлъ . . . Но лишь сказать
Смогъ по нѣмецки—„битте, во истъ?“..
Какъ рѣзко перервалъ въ отвѣтъ
Его обиженный сосѣдъ . . .

Всѣ чехи — націоналисты
И потому-то, напрімѣръ,
Истинно-чешскимъ „наступисте“
Они зовутъ дебаркадеръ,
Экономической основой
Имъ служатъ „кнедели“ съ „вепшовой“
(Вепшовой, кстати поясню,
Зовутъ въ Богеміи свинью,
А кнедель есть изъ тѣста шарикъ),
Для нихъ внѣ Праги тѣсенъ міръ
И ихъ пожизненный кумиръ —
Ихъ добродѣтельный Массарикъ...
Доволенъ чехъ самимъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой...

Но мимо, мимо!.. къ дѣлу ближе,
И такъ расплылся мой рассказъ...
Ну, вотъ Евгеній и въ Парижѣ —
Навѣрно кто-нибудь изъ васъ
Его встрѣчалъ въ столицѣ этой.

Какъ денди лондонскій одѣтый
И абсолютно коммъ-иль-фо,
Онъ въ центрѣ русскаго всего
Сталъ винтикомъ необходимымъ
Черезъ какихъ нибудь пять дней...
Въ то время зарево огней
Чуть занималось надъ Крымомъ, —
И онъ, какъ всѣ кричалъ „впередъ“,
Зане былъ русскій патріотъ.

Въ тѣ дни онъ былъ гранита тверже,
За компромиссы не щадилъ
И въ разговорахъ о Ллойдъ-Джорджѣ
Свой ротъ презрительно кривилъ.
Онъ полонъ былъ единой цѣли,
Писалъ памфлеты въ „Общемъ Дѣлѣ“,
Пропагандируя въ нихъ Крымъ —
И всѣ согласны были съ нимъ...
Сумѣвъ проникнуть и къ французамъ,
Увлечь старался онъ и ихъ
Богатствомъ вымысловъ своихъ —
И соблазнялъ ихъ какъ союзомъ,
Такъ и уплатой всѣхъ долговъ
Россіей безъ большевиковъ...

Месье Лаббе, французъ богатый,
Открылъ Евгению свой домъ.
Онъ вель съ нимъ страстные дебаты
На темы русскія — о томъ,

Когда конецъ бѣдѣ нелѣпой,
Грозятъ ли Франціи совдепы,

О мощи врангелевскихъ силъ...
Онѣгинъ пылко говорилъ
Ему въ отвѣтъ о Перекопѣ,
О кровожадной ве-че-ка,
Объ аппетитахъ мужика...
Увы — какъ выросшій въ Европѣ, —
Лаббе понять его не могъ
И отъ субсидій былъ далекъ...

91.

Такъ — чая дней благополучныхъ
На новой родинѣ своей —
Среди лукавыхъ, малодушныхъ
Во тьмѣ мятущихся людей,
Среди обиженныхъ и мрачныхъ
Среди прожектовъ неудачныхъ,
На rue Raffet и rue Darue
Встрѣчая новую зарю,
Среди привычныхъ словопреній
И эмигрантской болтовни
Свои запутанные дни
Влачилъ тогда месье Евгеній,
Какъ рыба рѣзвая въ водѣ,
Купаясь въ бѣженской средѣ...

92—95.

• • • • • • • • • • • • • • • • • •
• • • • • • • • • • • • • • • • • •

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Съ тѣхъ поръ прошло уже два года,
 Два года бѣженскихъ тревогъ...
 Какъ видъ чужого небосвода,
 Невеселъ бѣженскій итогъ:
 Шипы хожденія по визамъ,
 Боль подчиненія капризамъ
 Администраціи всѣхъ странъ —
 Въ карманѣ самый вѣрный планъ
 Спасенья родины отъ кары
 И каждый день въ ночной тиши —

Какъ крикъ обиженной души —
Очередные мемуары
О томъ, чего давно ужъ нѣтъ
И въ чемъ причина нашихъ бѣдъ...

97.

Парижъ изъ моды вышелъ нынѣ
У эмигрантовъ, такъ сказать,
И всѣ они уже въ Берлинѣ
Теперь изволятъ проживать.
Спасая тающіе франки,
Ихъ эмигрантъ въ берлинскомъ банкѣ
Скорѣй на марки размѣнялъ
И — приумноживъ капиталъ,
Вновь начинилъ себя дѣлами...
Искусно вымѣнявъ товаръ
На добродѣтельный долларъ,
Съ женою на Курфюрстендаммѣ
Онъ чинно шествуетъ въ кафе,
Иль дома дремлетъ на софѣ...

Уже давно всѣ полѣвли,
 Свершивъ рискованный скачекъ,
 И дулъ въ открывшія щели
 Въ Берлинъ совѣтскій сквознячекъ.

Поблекли прежніе доспѣхи
 И кое-кто, смѣнивши вѣхи,

Уже привѣтствовалъ совдепъ,
Уже повсюду слово Нэп,
Произносимое съ восторгомъ,
Сверкало словно бриллиантъ...
Смекнулъ кой-что и эмигрантъ,
И—познакомившись съ внѣшторгомъ —
Съ большевикомъ, не помня зла,
Завелъ торговля дѣла...

Цикль еволюцій завершая,
Какъ патріотъ и гражданинъ, —
Въ одинъ прекрасный полдень мая,
Покинувъ Францію — въ Берлинъ
Тихонько прибылъ и Евгеній...
Отъ сотни перевоплощеній
Вы не узнали бы его —
Отъ дней минувшихъ ничего
Въ немъ не осталось и въ поминѣ —
Въ Парижѣ вѣхи онъ смѣнилъ
И — вновь приливъ бодрящихъ силъ
Въ себѣ почувствовавъ — въ Берлинѣ,
Гдѣ уловили жизни суть,
Ихъ собирался развернуть...

Ставъ смѣловѣховцемъ берлинскимъ
 Евгеній — словно вѣкъ былъ имъ,
 Сумѣлъ сойтись съ самимъ Крестин-
 скимъ
 И вскорѣ сдѣлался своимъ
 Въ кругахъ, приверженныхъ къ комму-
 нѣ —
 Имѣлъ знакомыхъ въ „Наканунѣ“,

(Именъ я ихъ не назову),
 Звалъ, разумѣется, въ Москву

И ненавидѣлъ эмигрантовъ
До глубины совѣтскихъ чувствъ,
Ходилъ исправно въ „Домъ искусствъ“,
Гдѣ цвѣтъ изысканныхъ талантовъ
Его духовно обновлялъ
И гдѣ всегда висѣлъ скандалъ...

На свѣтѣ все — капризный случай,
Онъ нашъ законъ, онъ нашъ король,
И онъ-же, властный и могучій
Сыгралъ рѣшительную роль
И въ этомъ спутанномъ разсказѣ.
Вотъ — объясненіе этой фразѣ:
Онѣгинъ, полюбивъ Берлинъ,
Гулять отправился одинъ
Однажды какъ-то утромъ рано,
(Конечно на Курфюрстендаммъ) —
И вдругъ въ толпѣ мужчинъ и дамъ
Мелькнуло личико — Татьяна
(Ну, разумѣется — она!)
Ему навстрѣчу шла одна.

„Да, да!... Татьяна!... Нѣтъ сомнѣ-
ній!...

Ея глаза, лица овалъ!“

Шепталъ взволнованный Евгеній

И къ юной дамѣ зашагалъ.

Татьяна вздрогнула пугливо
И, оглянувшись, торопливо
Пошла дорогою своей...
Все тихо, просто было въ ней
Но и въ малиновомъ беретѣ.
Она по-прежнему была
Обворожительно-мила...
И — вновь глаза увидѣвъ эти
И губъ плѣнительныхъ изгибъ, —
Онѣгинъ понялъ, что погибъ..

103.

Онъ, улыбаясь, къ ней подходитъ,
Держа фуражку на отлетъ.

Она съ него очей не сводитъ,
Но дальше все-таки идетъ...

Онъ говоритъ: „Меня едва-ли
Черезъ три года вы узнали“ ?
„Нѣтъ, отчего-же, узнаю“ !

И ручку подаетъ свою
Ему безтрепетно Татьяна, —
Такъ равнодушному кино
Въ высокой степени равно,
Что принимать на гладь экрана —
Оно безстрастно и мертво,
Ничто не трогаетъ его...

Евгеній все узнать желаетъ —
Что съ Таней, какъ и почему ...
На всѣ вопросы отвѣчаетъ
Татьяна вѣжливо ему.
...Тогда, въ дни ужаса и шквала
Она съ супругомъ-генераломъ

(„Вы замужемъ? безумно жаль!..“)
Не унеслась въ чужую даль,
Но осталась въ больной Россіи,
Свои стремленія смиривъ . . .
Перенесла тяжелый тифъ
И злключенія другія
(Едва-ли даже не чуму),
Потомъ у Врангеля въ Крыму

Она видала возрожденье
И весь трагическій финалъ
Родного бѣлаго движенья...
Ее съ супругомъ рокъ загналъ
На берегъ мрачнаго Лемноса,
Затѣмъ рѣшеніе вопроса
Въ гостяхъ у родственниковъ болгаръ,
Унылый бѣженскій угаръ
Въ провинціальной вязкой тинѣ...
А тамъ — отъѣздъ съ балканскихъ
горъ
Сюда, въ Европу, на просторъ —
И, въ заключеніе, — въ Берлинъ
Гостепріимный небосводъ
Не на одинъ, быть можетъ, годъ...

Безъ денегъ трудно жить на свѣтѣ,
И вотъ они добились мѣстъ —
Его устроить въ комитетѣ,
Ей предлагаютъ въ Красный Крестъ...
„Ну, вотъ и все“ ... Молчитъ Евгеній,
Но чрезъ нѣсколько мгновений
Онъ принимаетъ страстный видъ
И такъ Татьянѣ говоритъ:
„Кто жилъ въ Европѣ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не грезить о Москвѣ,

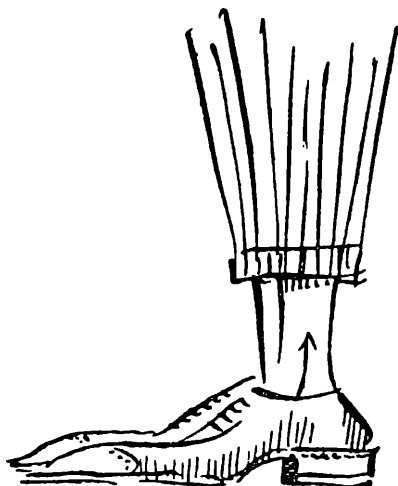
О русскомъ снѣгѣ и травѣ...
И эмигрантщинѣ поможетъ
Не сербъ, не турокъ и не чехъ,
А только... только смѣна вѣхъ ..

„Пора, пора домой, въ Россію ...
И васъ, Татьяна, я зову
Туда, въ совѣтскую стихію,
Какъ три сестры: въ Москву!... въ Мо-
скву!...

Въ своей насиженной квартиркѣ
Опять жить станете... Бутырки
Васъ не должны страшить при томъ,
Зане сажаетъ совнаркомъ
Туда смѣнившихъ вѣхи — мало
(Да нѣтъ и мѣста тамъ къ тому-жъ!)
Но, Таня, главное — вашъ мужъ ...
Вотъ вамъ рука — для генерала
Мы — только дайте намъ его —
Не пожалѣемъ ничего...

108.

„Россію новую мы строимъ
И люди дѣла намъ нужны,
(Особенно, кто былъ героемъ
Шовинистической войны)
Итакъ, давайте генерала “ !..
Но тутъ Татьяна оборвала
Словъ смѣновѣховскихъ потокъ . . .

Окинувъ съ головы до ногъ,
(Обутыхъ въ туфли желтой кожи)
Героя повѣсти моей,
Она вскричала, львицы злѣй:
„Онѣгинъ, я была моложе,
Но и тогда я поняла
Всѣ ваши темныя дѣла

И — отнесясь къ вамъ очень гнѣвно —
Я разлюбила сразу васъ.
Я не мѣняюсь ежедневно
И, вѣрьте мнѣ, что и сейчасъ
Я та-же Таня, что и прежде ...
Я вѣрю искренне надеждѣ,
Что скоро, волею судебъ,
Навѣки сгинетъ вашъ совдепъ
И солнце вновь заблещетъ ясно ...
Тогда придетъ для насъ Москва ...
Теперь-же время и слова
Вы только тратите напрасно —
Другому дѣлу отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна

И въ неудачѣ, и въ успѣхѣ ...
У насъ, какъ видите, въ пути
Неодинаковыя вѣхи ...
Прощайте-жъ, нужно мнѣ идти“ ..
И вотъ, — руки не подавая, —

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
Какъ-бы умышленно дразня
Его мелькнувшимъ платьемъ синимъ...
За ней героя моего
На людной штрассе одного
И мы — безъ жалости — покинемъ,
Зане съ Онѣгинымъ такимъ
Мы больше знаться не хотимъ...

К О Н Е Ц Ъ.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ЛИБЕРТИ”

Политические детективы

Том Кленси. Охота за „Красным Октябрем”; 540 с.— цена 20 дол	
Дэннис Джонс. Зимний дворец; 360 с. —	15.95
Эдуард Тополь. Чужое лицо; 390 с.—	14.95

Книги о зарубежной разведке

Джордж Джонас. Месть; 380 с., 10 фото—	24.00
Дэнис Айзенберг и др. Операция „Уран”; 246 с.—	13.00
Стюарт Стивен. Асы шпионажа; 452 с., 17 фото—	16.95
Рэй Клайн. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана; 410 с., 16 фото—	15.95

Воспоминания перебежчиков

Светлана Аллилуева. Далекая музыка; 296 с., 30 фото —	14.95
Леопольд Трэппер. Большая игра. Жизнь разведчика; 500 с., 20 фото —	18.95
Аркадий Шевченко. Разрыв с Москвой; 528 с., 5 фото —	19.00
Александра Коста. Странник с одинокой звезды; 310 с. —	20.00
Станислав Левченко. Против течения. 10 лет в КГБ; 260 с. —	14.95

Историко-политическая серия

Александр Янов. „Русская идея” и 2000-й год; 400 с. —	16.95
Александр Зиновьев. Горбачевизм; 165 с. —	12.95

Книги русских писателей за рубежом

Василий Аксенов. В поисках грустного беби, 344 с. —	16.00
Юлия Вознесенская. Звезда „Чернобыль”; 210 с. —	15.00
Давид Шраер-Петров. Друзья и тени; 280 с. —	17.95
Григорий Померанц. Открытость бездне. Статьи о Ф.М.Достоевском: 380 с. —	17.95

Лери. Онегин наших дней. Роман в стихах; 160 с. —	10.95
Борис Хазанов. Миф Россия; 182 с. —	15.00
Я Воскресение и Жизнь (роман и две повести; 352 с., изд-во „Время и мы” , Нью-Йорк) —	16.00
Обе книги Б.Хазанова продаются за —	20.00

Американская классика

Генри Миллер. Тропик Рака; 310 с. в твердом переплете —	15.95
Курт Воннегут. Праматерь-ночь; 180 с. —	13.95

К сумме заказа необходимо добавить 1 дол. за пересылку первой книги и по 50 центов за каждую последующую.

Для жителей Канады: 1.50 — за первую книгу и по 75 центов за каждую последующую.

Адрес издательства „ЛИБЕРТИ”

LIBERTY PUBLISHING HOUSE

475 FIFTH AVE, SUITE 511

NEW YORK, NY 10017-6220

Tel. (212) 213-2126

